

ФИКРЕТ ГОДЖА

РАЗМЫШЛЕНИЯ В РАМАДАН

Поэма

Аллах мой,
тысячи лет
тысячи рук
люди к тебе простирали,
прося насущного хлеба...
Безмолвно внимало небо.
Рамадан – покаяния месяц,
великий пост,
он тобою дан...
Но – Рамадан ли, не Рамадан –
времени бег обычен и прост.
Говорят, когда-то
молитва была –
и с небес на землю
падали перепела...
А теперь, когда люди
молят:
«Хлеба!» –
руки, ноги и головы
падают с неба,
горькие,
словно слезы,
льются дожди...
Боже мой, подожди!
Разве этого мы у тебя просили?
Ты – на небе своем седьмом –
и в мощи, и в силе,
как же позволить ты мог,
чтобы людей убивали,
у самых твоих у ног?
Человек научился летать,
покорился воздух ему
для того ль,
чтоб множилось горе
в его дому?
Разве ты хотел,
чтобы тот, кто благоговейно
прежде глядел в небеса,
нынче в ужасе
прятал глаза?
... Я подумал:
«Пожалуюсь...
Не могу молчать,
хоть и без жалоб
всю свою жизнь прожил...»

Голос свыше:
«Ты кому
на кого пожаловаться решил?»
«Тебе... На тебя, Всемогущий...»
Может быть,
долетит мой голос
в райские кущи.
Жалуюсь истово –
вместо того, чтобы славить тебя
и восклицать: Осанна!
Говорят в народе:
«Иди, Гасану пожалуйся на Гасана!..»
Мы летим по твоей Вселенной,
бескрайней, вроде,
на земле невеликой,
как на одном самолете.
И в полете этом,
вроде, все друг другу родня...
Почему же нет
в нашей жизни
спокойного дня?
Аллах мой, Бог мой,
ты высок, ты велик.
Неужели беды земные
не омрачают твой лик?
Каково тебе видеть
как люди глотки режут друг другу,
чтоб захватить
твоего создания часть?
Убивают за деньги, за землю, за власть...
Иногда мне кажется,
они готовы подол
одеяния твоего украсть,
покуда ты спишь,
и снести на базар –
лишь бы был пожирней барыш,
в этом – их благодать.
Боже мой, они тебя самого
готовы продать –
взгляните-ка!
Называется это теперь – политика.
Захват – политика,
политика – грабежи,
политика – речи сладкие, полные лжи.
Банков и корпораций блистающие этажи,
ядерного оружия ад –
политика,
езде, где ты без вины виноват, – политика.
Если ты украдешь гроши –
ты, конечно, вор.
Если ты крадешь миллион –
совсем другой разговор.

если знать не знаешь,
в чьем кармане ключи.
И в бессилии падаешь ниц
у твоих у ног...
Аллах мой, Бог мой!
Ты – един,
и ты – одинок.
Меру твоего одиночества
не передать словами,
а потому – молчу.
Боже мой,
в безмолвии
болью своей
поделиться с тобой хочу.
Чтобы быть к тебе ближе –
не надо взбираться на минарет.
Не надо провидцем быть,
чтобы зло увидеть
при свете дня.
Мой Аллах,
наш разговор –
навсегда секрет.
Ты, пожалуйста,
никому не выдай меня.
И прости,
если речью моей
совершаю грех,
Мною совесть движет
и боль –
не страх.
Слушай:
на земле появилась порода тех,
для которых ты – не Аллах.
Золото – их кумир,
деньги – их доброта,
их нетленная совесть –
банковские счета.
Им принадлежат
дороги и города,
их капиталы растут,
как после дождя грибы.
Почитай, полмира сегодня –
у них рабы.
О них говорят: «Крутой!»
Рукой махнет –
на тебя прольется
дождь золотой.
Взмах другой –
и ты остался
гол, как сокол.
И пока других
на молитву зовет муэдзин,

этот – купит, продаст,
знак невидный подаст –
и будто сама Земля для него тормозит,
как его лимузин.
Он забыл,
что из праха создан
и вернется во прах.

Он купается
в славословии и похвалах.
Слушай,
ему уже нужен
личный его Аллах,
чтоб судил его
именно так,
как нужно ему...

Он-то знает:
ему не попасть в тюрьму.
Он – удачливый вор,
не пойманный до сих пор...
Ты прости меня, Боже,
за грешный мой разговор.
Понимаю, что нет в запасе
жизни другой –
но ликующей черни
я быть не хочу слугой,
и не вижу
голодным и сирым,
заселяющим шар земной,
кроме тебя
защиты иной.

В самом деле,
кого, кроме Бога
убоится всесильный
золота бес?

Мой Аллах,
вот если бы ты ненадолго
спустился с небес,
если бы в наши будни,
в наши шкуры залез.

Если бы ты
безнаказанного – наказал,
если бы показал
карающую мощь доброты,
если б на нечестивых
огненный меч опустил...

Боже мой,
я знаю –
душой неспокоен ты.

Многих из них,
презренных,
сам ты выдумал,
сам взрастил.

Но не делят
 кров и богатство,
 поля и недра.

По законам
 границ, языков, страны
 мы разъединены...

Даже когда на словах дружны –
 враждуем в делах.

И тебе известно это, Аллах.
Видно, есть особый
 у нашего времени дар,
если мир
 похож на большой базар,
где все и всё
 покупают и продают.

Здесь один закон:
 «Обманывай ловко!»

Не сумел –
 захлопнется мышеловка.

...Для чего ты честным
 пытаешься быть упрямо?
Вон один для другого
 заботливо роет яму.

А чтобы наверняка
 в нее провалился
 гость дорогой,
стелет ямы поверх
 ковер дорогой.

Вот и живи –
 ни правой, ни левой ногой
 не знаешь, куда ступить.

Не знаешь, верить кому
 среди лжи и лести...

Господи,
 нет на этом базаре места
 для чести
 и для души.

Кто тут правит?
 Естественно, торгаши.

Так что ты своих ангелов
 посылать сюда не спеши,
рынок – не лучшее место,
 чтоб им – развернуть крыла.

Век двадцатый сгорел дотла,
а у нового – снова руки
 кровью обгажены.

Пережили люди
 две мировые войны –
 смерть, увечья, гробы.

Пережили люди
 выраставшие на глазах
 термоядерные грибы...

Ему говорят:
«Себе на шею ярмо повесь!»),
а он как будто этому рад.
Позабыв намеренья добрые,
едва поднявшись с колен,
думать не думающие
обо всём,
наших грехов, и грязи,
и мерзости тлен –
в третье тысячелетье несем.
Нет на планете нашей
счастья и сна,
залпы, бомбежки, взрывы,
и кровь, и боль.
То бушевала
арабских бунтов весна,
то чередой –
цветных революций прибор.
Гибель детей,
материнские слезы...
Страшен
сон этот,
длящийся уже не день и не год.
Вот он, над нами –
людскою кровью окрашен
третьего тысячелетья
зловещий восход.
Как дождутся
рассвета мирного люди,
чтобы – не танков гул,
не снарядов вой?..
В залах конгрессов,
в залах дальних орудий
зреют зерна
третьей войны мировой.
Каждый твердит о мире –
какая ложь! –
а за спиной
давно наточенный нож.
Как ты, мой Боже,
видя это, живешь?
Боже, это не ты
раздоры наши посеял,
твои пророки
учили:
«Убийство – грех!»
В Магомета верь,
в Иисуса ли,
в Моисея –
Бог – один,
мир – один,
и небо – одно на всех!

Только как благоверным
дождаться твоих чудес,
если падает
черная смерть
с голубых небес?
Днем ли, ночью –
ждем её или не ждём –
падает смерть.
На города чужие,
на отчий дом
падает смерть.
Вроде, мирно вокруг –
ни тревог, ни битв –
падает смерть.
Даже под звуки
благостные молитв –
падает смерть.
Ты язык и веру нес
сквозь века –
падает смерть.
На дитя в колыбели,
не знающее ни веры, ни языка –
падает смерть.
А на каком языке,
ответить изволь,
под бомбами вопиют
страданье и боль,
ужас и страх?
У боли – один язык,
он внятен тебе, Аллах.
...Боюсь, ты устанешь от нас
при таких-то делах.
Отвернешься
одним непрекрасным днем,
и рукой махнешь,
и скажешь:
«Горите огнем!»
Вас из рая изгнал
всемогущий Бог.
Смилостивился, сжалился,
вам помог
дом построить,
поле засеять,
вырастить сад.
Не для того, чтоб вы
вернулись назад.
Не для того,
чтобы присвоили вновь
чужие труды,
и разорили дома,
и разметали поля,
и вырубали сады...

Не для того,
чтобы вы вопили:
«Велик Аллах и высок!»,
добывая своей наживы
смердный кусок.
Все равно для вас –
прилавки иль алтари –
червь корысти злой
пожирает вас
изнутри.
И пока дипломаты
кружили и ворожили,
дан приказ –
и ничто для вас
границы чужие.
А потом,
господа умелые,
вы опять на черное
скажете: «белое».
Развязка близка.
Остановитесь!
Верните назад войска.
Пока есть шанс
не совершить
ваш самый последний
гибельный шаг.
Остановитесь!
И, может, вы увидите вдруг,
как безграничен
Вселенский простор вокруг,
как прозрачен
звездный отблеск
на куполах...
Бог велик.
Всемогущ Аллах.
Лишь ему подвластны
времен и пространства ход.
А вам, господа,
пора вернуться в народ,
в будни наши
где люди смеются и плачут,
где полны делами обычными
день и ночь,
где не нужно трибуны и пьедестала.
Помните:
Время разбрасывать камни уходит прочь.
Собираем камни – такое время настало...

*Вольный перевод с азербайджанского Александра Грича
2015г.*